

Offprint from:

Департамент культуры, информации и общественных связей Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

ГЕРЦЕНКА

Вятские записки

Выпуск 6

Киров
2004

РАЗДЕЛ V

НАШ ГОСТЬ

Даниэль Кларк Уо (Waugh) – профессор университета Вашингтон (г. Сиэтл, США), специалист по русской средневековой истории и культуре. Книги и статьи этого автора хорошо известны в России. Одна из его монографий посвящена вымышленным посланиям казаков на имя турецкого султана (The Great Turkes Defiance, Columbus, Ohio, 1978). Следующей значительной работой учёного стала книга «Славянские рукописи Ф.А. Толстого» (Л., 1980) об одной из самых представительных в

Даниэль К. Уо на презентации своей книги в библиотеке им. А.И. Герцена. 2003 г.

России коллекций славяно-русских рукописных книг. На археографической базе, составленной им, была основана нашумевшая в своё время книга Э. Кинана о переписке Ивана Грозного и князя Курбского.

Впервые Даниэль Уо посетил г. Киров в октябре 1996 г. в связи с проведением международной научной конференции «Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера». Его выступление было посвящено Анатолиевскому сборнику – неизвестному памятнику письменности первой половины XVIII в., составленному в Халынове (Вятке), следы которого историк так счастливо отыскал в Ташкенте.

Интерес к вятской истории вновь привёл его сюда летом 2003 г. Был замечательный повод приехать в Вятку – в издательстве «Дмитрий Буланин» вышла его монография «История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени» (СПб., 2003. – 395 с.: ил.) по проблемам книжной культуры Вятки XVII–XVIII вв. 3 июля 2003 г. на презентации научного труда в областной библиотеке им. А.И. Герцена он преподнёс ей свой дар – двадцать книг. Автограф учёного на одном экземпляре гласит: «Библиотеке с благодарностью за возможность использовать вашу знаменитую коллекцию краеведческих материалов». В этот раз историк не только занимался в библиотеке им. А.И. Герцена и ГАКО, но и посе-

тил археологические раскопки под Лазьском, что вела доктор исторических наук И. Ю. Трушкова (спустя несколько месяцев мы получили от него в подарок номер журнала со статьёй и фотоснимками об этой экспедиции).

Специально для нашего альманаха Даниэль Уо написал статью, которую мы публикуем в рубрике «Наш гость» и надеемся, что вятская история по-прежнему будет волновать учёного.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ВЕЛИКОРЕЦКОГО КРЕСТНОГО ХОДА

Д.К. Уо

Великорецкий ход является неотъемлемой частью религиозной жизни Вятки¹. Считается, что икона св. Николая Великорецкого была обнаружена на реке Великой в 1383 г. Вскоре после этого, когда икона перенесена в Хлынов, был установлен ежегодный в конце весны (по старому стилю – с 21-го по 28-е мая) крестный ход с иконой из Хлынова в с. Великорецкое и обратно в Хлынов. Несмотря на стремление советской власти искоренить Великорецкий ход, «открылась другая форма почитания – паломничество, которое не прерывалось даже в самые трудные годы гонения»². Традиция, установившаяся на Вятской земле, была возобновлена по окончании советского периода. Возможно, что религиозное значение Великорецкой иконы и крестного хода является объяснением тому, почему, за редким исключением, практически никто не занимался пересмотром датировки существенных моментов истории почитания иконы. Мне кажется, однако, что такой пересмотр необходим

именно потому, что история иконы и крестного хода затрагивает важные моменты православной жизни Вятки. На самом деле, как мне кажется, нет твёрдых данных для утверждения считающихся общепринятыми ранних дат этой истории. Хотя мои наблюдения являются только гипотезами, хотелось бы надеяться, чтобы они откроют серьёзное обсуждение поставленных мною вопросов.

Начнем с обзора источников. История Великорецкой иконы изложена в «Повестях», изданных или пересказанных в разное время и обычно цитируемых по изданию А.С. Верещагина начала XX в.³ Хотя история пребывания иконы в Москве в середине XVI в. описана в Никоновской летописи, то есть в источнике того же столетия, история обнаружения иконы и первых чудес, приписываемых ей, по всей вероятности, была написана только к середине XVII в. Очень важно, что в первоначальном рассказе о пребы-

¹ Горенка. Выпуск 6

вании иконы в Москве указано на то, что инициатива поездки в Москву принадлежала вятчанам. В Никоновской летописи мы читаем: «Приходили священники с Вятки и лутчие люди земские государю о том бити челом и воспоминати, что на Вятке образ Николы чудотворца Великоросенкаго велие чюдеса творит да от многа лет неподельван, и горела многажды церковь, а образ невредимо пребысть, чтобы государь велел обновить. И государь велел священником с Вятки со образом в судех быти»⁴. В этой цитате ничто не указывает на то, что царь и митрополит сами проявили инициативу в поездке с иконой в Москву, что они знали о её чудотворной славе и заранее намеревались оставить копию иконы в строящейся церкви Покрова на Рау⁵. На пути с Вятки, как сообщает летопись, иконой были сотворены многие чудеса, и уже по приезде в Москву, ей был оказан великий почёт.

По существу, рассказ в Синодальной рукописи середины XVII в. о перенесении иконы в Москву не отличается от рассказа в Никоновской летописи. Текст Синодальной рукописи был опубликован Верещагиным. В тексте содержится история обнаружения иконы и первых чудес, приписываемых ей. Там же есть и «приложение» текста о 202 чудесах, начиная с 1557 и заканчивая 1647-ым годом. История иконы начинается «во дни великих князей». Автор повести пишет: «А в кои лета пренесена бысть во град Хлынов святая сия икона, писания не обретохом но токмо в лето 7029 (1521), при великом князе Василье Ивановиче и при митрополите Варлааме Московском, в та времена и обложена чудотворная сия икона». Далее рассказывается о том, что после пожара в церкви Прокопия

Устюжского в Хлынове, где икона хранилась, не осталось никаких письменных источников о её ранней истории. («А в кня лета проявился, писания не обретохом»). Хлыновцы сообщили о пожаре и спасении иконы царю, и в ответ он послал на Вятку грамоту: «...а велено тот чудотворный образ... взять к нему государю к Москве». О том, что рассказ в Синодальной рукописи мог быть составлен в Хлынове, говорит тот факт, что в нём упоминается вятский наместник В.И. Сукин. Подобный рассказ о пребывании иконы в Москве, содержащий подробности о постройке церкви Покрова и помешении туда копии иконы, существует в отдельной редакции (рукопись Румянцевского музея), также опубликованной Верещагиным. В этой рукописи подчеркивается влияние чудес, творимых иконой, на иноверцев («но и невернии мнози многа и различна исцеления поллучиша, овни же и крестисяша»).

Верещагин опубликовал и другую, более длинную редакцию истории иконы, находящуюся в двух рукописях Вятского кафедрального собора и включающую в себя ещё 20 чудес⁶. Судя по его данным, одна из рукописей датируется не позже первого десятилетия XVIII в. По его мнению, новая редакция повести об иконе была предпринята по инициативе архиепископа Ионы. Кафедральная редакция повести намного длиннее Синодальной. В ней есть риторические украшения, которые, по мнению Верещагина, указывают на вторичность этого текста по отношению к Синодальному тексту. Более важным является то, что только в Кафедральной редакции мы впервые встречаем точную дату обнаружения иконы – 1383 г. Верещагин приводит веские соображения в пользу ги-

потезы, что дата была включена при Ионе под влиянием текста «Повести об иконе Тихвинской Богоматери», согласно которой Тихвинская икона появилась в том же 1383 г. Кроме того, в Кафедральной редакции намного подробное описано установление культа в самом Хлынове, а также то, как после пожара местные власти послали в Москву за разрешением построить новую церковь в честь иконы св. Николая. Только после этого и вследствие распространения славы иконы по Вятской земле «о таковых преславных и много различных чудесех, истекающих от цельбоносного и чудотворного его образа, возведено бысть писанием в слухи самодержавнейшему благочестивому государю, царю... Он же благочестивы великий государь, слыша таковая преславная чудеса... возрадовася радостно превеликою, желая усердно, во еже бы ему государю той чудотворный образ видети и поклонитися».

Таким образом, по свидетельству самих текстов и согласно Верещагину, первые сохранившиеся письменные источники о появлении иконы и привозе её в Хлынов были написаны не раньше середины XVII в., то есть, через 270 лет после считающейся общепринятой даты появления иконы. Датировка 1383-м годом была вставлена в текст ещё полвека спустя и относится не к достоверным фактам об иконе, а к повести о другой иконе – Тихвинской. Наконец, только в редакции конца XVII в. подчеркивается инициатива царя по приглашению иконы в Москву, якобы вследствие её огромной славы на Вятке.

Это не значит, что и сама икона появилась только к середине XVI в. Возможно, что дата 7029 (1521) г. в Синодальной редакции повести была взята из над-

писи на окладе иконы. Если так, то эта дата является свидетельством о существовании иконы в первой трети XVI в. и, можно полагать, что икона была известна и до этого⁷. Но надо иметь в виду, что в повести ничего не говорится о том, кто именно заказал оклад и где сама икона находилась в тот момент. Нельзя утверждать, что икона уже была в Хлынове особенно потому, что самым ранним конкретным свидетельством об иконе является грамота 1546 г. Эта грамота – ответ Ивана IV на челобитие от шестаковцев, в котором они писали о том, что «ездят в Хлынов и к Николе чудотворцу к Великорецкому молитися»⁸. Таким образом, по крайней мере, в 1546 г., в момент челобития шестаковцев, как заметил Верещагин, иконы в Хлынове, видимо, ещё не было⁹.

Что мы знаем из источников о начале крестного хода? В повести об иконе в Синодальной рукописи рассказывается о сопротивлении самой иконы при попытке хлыновцев перевезти её из Великорецкого в Хлынов. Наконец, церковные власти «обещашася ездити с чудотворным образом по вся лета непременно». В рукописи даты нет. Только в Кафедральной редакции повести мы находим конкретную дату. В 1551 г., когда хлыновцы не сдержали обещания о крестном ходе, в наказание на них обрушились разные несчастья. Согласно этому рассказу, крестный ход, таким образом, появился где-то до 1551 г. Надо признать, всё-таки, что даже этот источник не поддерживает мнения протоиерея Стефана Кашменского о том, что «лет сто пятьдесят (до 1551 г. – Д. У.), не менее, ежегодно совершали крестный ход из Хлынова на Великую-реку с чудотворным Великорецким образом Святителя Николая»¹⁰.

Если в этих уже хорошо известных письменных источниках нет конкретных данных, доказывающих существование иконы, и крестного хода до XVI в., возможно ли найти источники, которые пролили бы свет на раннюю историю иконы и хода? Мне кажется, это возможно.

Одна из многочисленных публикаций Вятского кафедрального собора об иконе представляет для нас особый интерес, поскольку её авторы ссылаются на архивные документы и на рукописи самого собора, которые содержат Кафедральную редакцию повести об иконе¹¹. В архивных документах (не раньше XVIII в.) ничего нового нет. А вот в рукописях, содержащих повесть об иконе, оказывается, есть материал, на который стоит обратить внимание. В своём рассказе о крестных ходах с иконой авторы этой брошюры ссылаются на перечень чудес, приложенный к повести. Все эти чудеса (в основном, исцеления) датированы. В них есть указания и на то, где случились чудеса в присутствии иконы и ещё на то, откуда происходили исцелившиеся. На основании этих данных авторы брошюры сделали вывод, что «эти два крестные хода – Низовский и Слободской – учреждения давняя, по началу своему, восходят к началу 17-го столетия или даже к последним годам 16 столетия»¹². Что касается даты Великоорецкого хода, то об этом умалчивается, хотя если проемотреть список чудес, как и с Низовским, и Слободским ходами, такие данные есть, и они указывают на начало Великоорецкого хода в то же время, то есть «к началу 17-го столетия или даже к последним годам 16 столетия»¹³. В этом списке первое упоминание о чуде, случившемся на реке Великой или во время Великоорецкого хода, датирует-

ся 25 мая 1595 г. Имеется ещё семь записей о чудесах между 1613 и 1667 гг. Великоорецкие чудеса случились между 12 и 25 мая, то есть, близко к датам хода, соблюдающимся и в наши дни. Возникает вопрос, не могли ли составители списка чудес просто случайно опустить другие более ранние случаи? Или, может быть, всё равно не стоит доверять данным такого списка, поскольку он не является более надёжным источником, чем сама повесть в первой (Синодальной) редакции середины XVII в. или во второй (Кафедральной) редакции времени Ионы? Всё это, конечно, возможно. Но остается тот факт, что в списке чудес (их 34), начиная с 1557 и по 1568 г., нет ни одного, которое произошло бы вне Хлынова¹⁴. Позже первые чудеса, произошедшие вне Хлынова, были в Котельниче (1569 и 1571–1572 гг.) и в Слободском (1572 г.).

Во всех 95 чудесах до 25 мая 1595 г. ни разу не встречаются упоминания о ком-либо с реки Великой, хотя есть упоминания о жителях из Котельничя, Орлова, Слободского, Шестакова, Великой Перми, Верхокамья и других дальних мест.

Складывается впечатление, что после возвращения иконы из Москвы в 1556 г. (только тогда на следующий год начинает вестись список чудес), люди в первую очередь получали исцеление посредством молитвы перед иконой в Хлынове. Почти до конца XVI в. лишь пару раз икона находилась за пределами города, когда происходили эти исцеления. Поэтому, по данным списка чудес, можно сомневаться, что регулярные крестные ходы с иконой Николая Великоорецкого существовали намного до конца XVI в.

В ответ на это можно, конечно, привести ряд соображений. Поскольку церковь Прокопия Устюжского сгорела, все письменные источники о чудесах и о ранней истории иконы, хранившиеся там, также погибли. Но откуда известно, что подобные источники существовали, и о том, что в них было написано? Аргументы *ex silentio* не являются особенно убедительными. Есть и другое возражение: почему следует верить данным списков чудес? Разве мы не знаем, что чудес вообще не бывает? И независимо от того, верим ли мы в чудеса или нет, разве не могли данные этих списков быть придуманными в XVII в.? Всё это, конечно, возможно, но в ответ можно сослаться на конкретность информации в списке чудес: точные даты, имена людей и городов. То есть, похоже, что список чудес представляет собой как бы летопись чудес. Не имеет смысла говорить о правдоподобности чудес; для нас существенно то, что в них верили и их записывали. К тому же, если просто исключить список как таковой, то тогда было бы логично исключить и любую идею о существовании и содержании несуществующих документов до 1550-х гг. Наконец, почему бы и не поверить рассказам в повестях об иконе? Ведь традиция, отраженная в них, может быть достоверной, даже если она была впервые записана только в XVII в. Проблема, конечно, состоит в том, что данная традиция, даже если ей верить, не даёт никакого повода датировать крестный ход намного раньше первой половины XVI в. Дата 1383 г. просто не идет в счёт, так как она явно вставлена позже. И хотя, в отсутствие других данных, можно считать, что ход мог существовать до 1551 г., то кажется более вероятным, что эта дата так-

же является изобретением конца XVII в. Хотя, можно предположить, что грамота 1546 г. говорит об исключительном случае отсутствия иконы в Хлынове, но, с другой стороны, нет никаких данных, доказывающих, что в нормальных обстоятельствах она и была там.

Допустим, что я прав и что регулярно установленных крестных ходов с иконой не существовало до конца XVI в., но почему они появились так поздно? В ответ позвольте спросить, что значит «поздно», и почему мы должны считать, что крестные ходы обязательно существуют в любом месте и в любое время просто потому, что существует чудотворная икона?

Я предлагаю следующую схему. Она является «реконструкцией» ранней истории Великолорецкой иконы, но, как таковая, не является менее вероятной, чем её «общепринятая» история. Икона действительно появилась на реке Великой, возможно и не до XVI в. и, пока она была там, начала пользоваться славой на Вятской земле (по крайней мере, до самого Шестакова) приблизительно до 1550 г., до тех пор, пока она не была переведена в Хлынов. В то время Великолорецкого хода ещё не существовало. Даже когда её привезли в Хлынов, икона не была настолько важной, чтобы строить в её честь новую церковь, хотя в то время церкви в городе были ещё деревянными, и это было бы не очень трудно сделать. Когда церковь Прокопия Устюжского сгорела и икона св. Николая в ней пострадала от пожара, икону послали для реставрации в Москву, где как раз в то время увеличился интерес к собиранию святынь из разных мест Московского государства¹³. В то время, в отличие от ситуации, имевшей

место сто лет спустя, не особенно требовали доказательства чудотворности святынь. Поэтому нельзя настаивать на том, что, именно благодаря давней славе Великорецкой иконы, её столь почитали в Москве. Но после того как икону с почётом приняли в Москве, культ иконы по-настоящему развился в Хлынове после её возвращения туда. В её честь построили новую церковь в Хлынове (и церкви в некоторых других городах) и начали вести летопись чудес¹⁴.

Слава иконы распространилась довольно быстро и широко, и большие стали приезжать в Хлынов за исцелением. Может быть, в связи с пожеланиями жителей других важнейших городов в центре Вятской земли (в первую очередь Котельнича и Слободского) постепенно жители Хлынова начали иногда ходить с иконой и в другие места. Однако лишь через несколько десятилетий, к концу XVI в., желание видеть икону стало достаточно сильным, чтобы установить регулярные крестные ходы.

Хотя мы пока очень мало знаем о ранней истории крестных ходов на Вятке, однако, как известно, их было очень много¹⁵. Согласно общепринятому мнению, многие из них более позднего происхождения. Документация о них, кажется, является отрывочной, но, по-видимому, в источниках говорится о постепенном развитии ходов, о постепенном расширении маршрутов и т. д.¹⁶ Подобная картина во времена, для которых мы можем найти документальные первоисточники, не противоречит тому, что я предлагаю в связи с более ранней историей крестных ходов в Вятском крае. Они действительно стали существенной частью религиозной жизни православных на Вятке, но не обязательно верить, особенно при

отсутствии исторической документации, что это случилось настолько рано, как обычно принято думать.

Похоже, что только в XVII в. на Вятке начали всерьёз интересоваться ранней историей Вятской земли, по крайней мере, настолько, чтобы писать о ней¹⁷. В этой истории почитание иконы Николая Великорецкого заняло особое место. Было важно установить древность культа, чтобы утвердить репутацию Хлынова в качестве «богоспасаемого» города (слово это повторяется в тексте повести и приложенных к ней чудес). Такое же отношение к ранней истории Вятки проявляется и в известной «Повести о стране Вятской», написание которой датируется временем не раньше самого конца XVII в., и одним источником которой является «Повесть о Великорецкой иконе» в Кафедральной редакции архиепископа Ионы. Таким образом, можно установить контекст сравнительно позднего «изобретения» прошлого Вятки, в котором видна закономерность моих аргументов по поводу возникновения легенд об иконе уже в то время, когда сами факты были забыты¹⁸. Возможно, что сами по себе эти факты были не так уж и важны, если целью вятских писателей этого времени было укрепление веры и местного самосознания.

Конечно, я еще не доказал все эти положения. Необходимо отыскать новые письменные источники и подготовить новые издания уже известных текстов. Но даже если никаких новых данных выявлено не будет, надо, как минимум, признать, что нет конкретных доказательств общепринятых ранних дат установления культа иконы Николая Великорецкого. Если критически проанализировать свидетельства источников, приходит-

ся допустить, что более поздняя датировка является наиболее вероятной. Если же опираться на веру в старину традиции и отвергать критический подход к источникам, то тогда только и можно верить, будто Великоорецкий ход возник за сто пятьдесят лет до середины XVI в. Принять более позднюю датировку начала почитания иконы – не значит подвзгнать под сомнение её значение в качестве одной из наиболее важных святынь Вятской земли.

Примечания

1. См., напр.: Бальбердин А.Г. и др. Великоорецкий крестный ход.— Киров, 2000.
 2. Архиастварь земли Вятской.— Киров, 2003. С. 88.
 3. В[ерещаги]н А.С. Повести о Великоорецкой иконе святителя Николая. Памятники Вятской письменности XVII–XVIII века // Тр. ВУАК. 1905. Вып. 4, отд. 2. С. 28–102.
 4. ПСРЛ.— М., 1965. Т. 13. С. 254. Рассказ этот находится в той части Никоновской летописи, которая называется «Летописи начала царства».
 5. Подробнее об истории приёма иконы в Москве и решении построить придел в Покровском соборе для её копии см.: Баталов А.Л. О ранней истории Собора Покрова на Рву и обретении «лишнего» престола // Сакральная топография средневекового города.— М., 1998. С. 51–63; Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1; Баталов А.Л., Успенская Л.С. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного).— М., 2002. С. 8–13.
 6. Ср. и новую публикацию данной редакции (без чудес) из рукописи БАН, Вятское собр. № 66: Архимандрит Макарий (Веретенников). Всероссийский Митрополит Макарий – почитатель святителя Николая Мирликийского // Почитание святых на Руси: Материалы IV Рос. науч. конф., посвящ. памяти Святителя Макария (5–7 июля 1996 г.).— Можайск, 1996. Макари-

евские чтения. Т. IV, ч. 1. См. особенно С. 68–76.

7. Ср.: Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века.— Киров, 1996. С. 85, где он предполагает, что культ иконы «возник на Вятке, вероятно, в конце XV века и получил особенно большое распространение благодаря двукратному «путешествию» этого образа в Москву и обратно» в 1555–1556 и в 1614–1615 годах. Мнение Эммаусского о сравнительно позднем возникновении культа и о воздействии почитания в Москве на местную практику, а не наоборот, является исключением.

8. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Прил. к 2-му т. сб. «Столетие Вятской губернии».— Вятка, 1881. С. 21.

9. В[ерещаги]н А.С. Указ соч. С. 74.

10. О чудотворной Великоорецкой иконе Святителя и Чудотворца Николая // ВЕВ. 1875. № 10. С. 315.

11. О Великоорецкой чудотворной иконе Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, находящейся в Кафедральном соборе в г. Вятке.— Вятка, 1909.

12. Там же. С. 18–19. Ср.: Крестные ходы в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1889 г.— Вятка, 1888. С. 18, где начало Низовского хода датируется 1555г.

13. Так как список чудес из Синодальной рукописи (которую я не имел возможности просмотреть) и из рукописей Вятского кафедрального собора, местонахождение которых сегодня неизвестно, полностью пока не опубликован, всё, что я знаю о чудесах, основано на двух источниках. В бумагах ВУАК есть сокращённое изложение всех чудес, написанное рукой А.С. Верещагина на основании рукописей Кафедрального собора (ГАКО, Ф. 170, Оп. 1, Ед. хр. 270, Л. 24–29 об.). К нему кто-то добавил карандашом дополнительные подробности, взятые, видимо, из Синодальной рукописи. В 1875–1876 гг., протоиерей Стефан Каменский опубликовал подробное изложение чудес, приписываемых ико-

не, иногда цитируя источник дословно, а иногда суммируя его своими словами. См.: Кашменский С. О чудотворной Великорещейской иконе Святителя и Чудотворца Николая // ВЕВ. 1875, № 9. Отд. дух.-лит. С. 286–294; № 10. Отд. дух.-лит. С. 311–327; № 11. Отд. дух.-лит. С. 359–371; № 12. Отд. дух.-лит. С. 379–393; № 16. Отд. дух.-лит. С. 495–510; № 17. Отд. дух.-лит. С. 523–538; ВЕВ. 1876, № 9. Отд. дух.-лит. С. 256–262. Мне кажется, что, взятые вместе, эти два источника представляют почти полностью содержание рукописных оригиналов, хотя, конечно, очень важно проверить это заключение по рукописям и подготовить критически отредактированное издание текста.

14. Подробнее см.: Waugh Daniel C. Religion and Regional Identities: the Case of Viatka and the Miracle-Working Icon of St. Nicholas Velikoretskii // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.— 2004. Bd. 62 (в печати).

15. См.: Маханько М. Собрание в Москве древних икон и реликвий в XVI веке и его историко-культурное значение // Искусствознание. 1998. Вып. 1. С. 112–142.

16. Тогда же, видимо, начали писать и копии иконы. Существует копия, написанная в Сольвычегодске в 1558 г. См.: Белов С.П. Икона «Никола Великорещейский» 1558 г. из Сольвычегодска // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1987.— М., 1988. С. 202–206; Белов С., Сальников А. Икону «Никола Великорещейского» прятали от татар в... Вологде. Об одной исторической легенде // ВЕВ. 2000. № 6. С. 4. (я благодарен А.Л. Мусихину за ссылку на эту статью). Я не убежден аргументами Белова в пользу датировки 1556-м г. другой копии иконы в

собрании Вологодского музея. Ср.: Белов С.П. Икона «Никола Великорещейский» середины XVI века из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника // Вологда: Ист.-краевед. альм.— Вологда, 1994. Вып. 1. С. 261–269. Ещё о другой копии иконы XVI в. и об её иконографии см.: Маханько М.А. Икона св. Николая Великорещейского в коллекции Амброзиано Венето и почитание чудотворного образа в XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1997.— М., 1998. С. 240–251.

17. Новая работа С.И. Амосовой указывает на важность и интерес изучения вятских крестных ходов. См.: Амосова С. И. Крестные ходы и праздники в городе Орлове и Орловском уезде // Герценки: Вят. зап.: [Науч.-попул. альм.].— Киров, 2003. Вып. 5. С. 42–48.

18. Сложная история Низовского хода с Великорещейской иконой доказывает правильность такого мнения. Между 1765 и 1830 гг., в разное время, к ходу добавили сначала Яранск и Уржум, а потом и Царёвсанчурек. Ср. списки мест по маршруту: ГАКО. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1 об.–2 (в описи указана дата 1705 г., а на самом деле – к 1765 г.); Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 2–2 об. Ф. 237. Оп. 133. Ед. хр. 686. Л. 8–8 об.

19. Подробно см.: Уо Д.К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени.— СПб., 2003. См. особенно гл. 5, 6.

20. Об «изобретении» «исторических» традиций см.: The Invention of Tradition / Ed. Eric Hobsbawm, Terence Ranger.— Cambridge, etc., 1983.